

ТАТАРСКИЕ СЛОБОДЫ КАК ФЕНОМЕН МУСУЛЬМАНСКИХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ РОССИИ

Центры мусульманской экономики Волго-Уральского региона во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в. – Татарские Слободы Казани и Каргала – коренным образом отличались по своей структуре от мусульманских городских центров.

Глава оттоманской городской организации «кади был не только судьей, ответственным за исполнение законов Шариата..., но он выполнял финансовые, административные и гражданские обязанности». В оттоманских городах абсолютное большинство земель принадлежало различным вакфам: Татарские слободы обладали только правом контроля над экономической жизнью, и их организация носила сугубо добровольный характер. Эта организация, в отсутствие национальной бюрократии и при отсутствии имущественной базы духовенства, фактически предоставляла буржуазии неоспоримое первенство в городских общинах.

К тому же, если буржуазии имела единый орган в слободах, то духовенство образовывало фактически изолированные махалли, формально объединенные властью ахуна. Полномочия ахуна не имели никакого сходства с полномочиями кади. Пример ахуна Ш. Марджани показывает, что даже он не сумел добиться никаких значительных изменений на данном посту. Казань и Каргала являлись основными метрополиями, на основе которых происходило создание торговых колоний-диаспор. Таким образом, например, возникла татарская община Малмыжа в 1840-е гг.

Основой организации городской мусульманской жизни оставались махалли. Их функции в эпоху Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС, 1788–1917 гг.) были

нерасторжимо связаны не только с религиозными полномочиями, но и местным самоуправлением. В этот период махалли у татар не сумели стать аналогом городского самоуправления в мусульманском мире, но на их основе была создана сетка стабильных общин со своими мечетями, мектебами и медресе.

С формированием системы местного самоуправления в России представители махаллей должны были представлять интересы нации на более высоких уровнях местного самоуправления на национально-пропорциональной основе. Махалле нужно было сильное лидерство и стабильное финансовое обеспечение. Однако среди мусульман Волго-Уральского региона практически отсутствовали члены, правящего в России феодально-дворянского сословия. Имамы не принадлежали к этому сословию, не были обеспечены финансово лично, и, как правило, не контролировали даже имеющиеся вакфы. Поэтому лидерство в махаллях закономерно захватила буржуазия, финансово обеспеченная, контролировавшая вначале Татарские Ратуши, затем представленная в городских Думах и сословных органах, выполнявшая попечительские функции для мечетей и медресе.

Приходские попечительские светлы при мечетях были не разрешены, а значит, запрещены по логике российского континентального права. Выходом для имамов было наличие собственного бизнеса и связей среди чиновников. Но это было характерно, скорее для раннего этапа ОМДС в конце XVIII – начале XIX вв. Здесь И. Худжаши в Казани является классическим образцом.

С началом «Великих реформ» 1860–1870-х гг. и с окончанием эпохи олигархической буржуазии в лице торговцев со Средней Азией возник шанс для имамов. Но только Ш. Марджани и только при условии включения в попечительский совет учителя русского языка в 1876 г. сумел юридически установить контроль над медресе, но не над махаллей.

В дальнейшем в Казани Г. Баруди фактически выработает модель попечительских советов, опираясь на среднюю буржуазию

приходов, мударрисов и мугаллимов медресе. Но смог бы он это сделать, если бы не был сыном миллионера М. Галиева? В 5-м приходе Троицка З. Расули фактически выстраивает новую махаллю, но и здесь он не может юридически создать мутаваллият. В 1905 г. концепцию махалли вырабатывает Р. Фахретдин и в 1914 г. дополняет Г. Еникеев, но из-за нежелания властей создать необходимую законодательную базу эти проекты тоже остаются на бумаге. Общинное самоуправление в махалле слишком противоречит всей вертикали системы самодержавия.

В 1917 году происходит введение уже автономии светской не на уровне махалли, а на уровне населенного пункта, как низшей единицы самоуправления.